

Я.С. Кожеуров*

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ «ПРАВА ВТО»: СООТНОШЕНИЕ С ОБЩИМ МЕЖДУНАРОДНЫМ ПРАВОМ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы соотношения права Всемирной торговой организации (ВТО) с общим международным правом в контексте права международной ответственности. Автор обосновывает точку зрения, что нормы общего международного права об ответственности государств, кодифицированные в подготовленных Комиссией международного права ООН Статьях об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 г., применимы к отношениям в рамках ВТО. Право ВТО, являясь самостоятельным автономным правовым режимом в общих рамках международного права, содержит ряд специальных правил и процедур, регламентирующих, прежде всего, содержание и имплементацию ответственности за нарушение обязательств по праву ВТО. Однако во всех случаях, когда право ВТО прямо не предусматривает иных положений, применяются принципы общего международного права. Более того, эти принципы используются для толкования и определения содержания специальных правил и процедур по праву ВТО, в частности, контрмер.

Ключевые слова: общее международное право, международная ответственность, право ВТО, фрагментация международного права, контрмеры, реституция, компенсация, пропорциональность, автономные режимы, *lex specialis*.

П рисоединение России к праву Всемирной торговой организации (далее — ВТО), о правовой природе, содержании, признаках и особенностях которого, соотношении с общим международным правом в доктрине ведется весьма оживленная дискуссия¹, делает насущным, как с точки зрения теории, так и с точки зрения практики разрешения споров, вопрос о соотношении норм об ответственности государств, содержащихся в общем международном праве и кодифицированных, главным

образом, в подготовленных Комиссией международного права ООН (далее — КМП) Статьях об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 г. (далее — Статьи 2001 г.)², с правилами, действующими в рамках ВТО.

Процесс фрагментации (дифференциации, диверсификации) международного права, проявляющийся в усложнении, детализации и обособлении правового регулирования в рамках так называемых автономных, или «самодостаточных» (self-contained) правовых режимов, имеет важные последствия для права между-

¹ См.: Ануфриева Л.П. «Право ВТО»: понятие и соотношение с международным торговым правом // Материалы IV Международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения». Секция международного права: сб. тезисов / отв. ред. Е.Г. Моисеев. М., 2012. С. 6–12.

² Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/56/83 от 12 декабря 2001 г.

© Кожеуров Ярослав Сергеевич

* Кандидат юридических наук, кафедра международного права, Московский государственный юридический университет имени О.Е.Кутафина (МГЮА)
[abc646@mail.ru]

123995, Россия, Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

Статья подготовлена в ходе выполнения
поисковой научно-исследовательской работы в рамках реализации ФЦП
«Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг

народной ответственности³. В известном Докладе 2006 г. исследовательской группы КМП ООН по вопросам фрагментации международного права⁴ понятие автономного режима трактуется, в первую очередь, как «специальный набор (вторичных) норм, касающихся нарушения и реакций на нарушение какой-либо отдельной группы (первичных) норм»⁵, то есть как специальный режим ответственности.

Согласно ст. 55 Статей 2001 г. («*Lex specialis*»), настоящие статьи не применяются, если и в той мере, в какой условия наличия международно-противоправного деяния или содержание международной ответственности государства или ее имплементация определяются специальными нормами международного права.

В этом смысле право ВТО — типичный пример автономного (self-contained) режима. Однако прямо определяя в п. 7 ст. 3 Договора о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров (далее — ДРС) последствия нарушения обязательств, вытекающих из членства в ВТО, и способы защиты от нарушений, а также исключая в ст. 23 ДРС возможности использования контрмер за рамками права ВТО, право ВТО «молчит» о многих существенных вопросах ответственности, в первую очередь, о происхождении ответственности — о понятии и элементах международно-противоправного деяния, о правилах присвоения поведения государству, о дящихся и составных международно-правовых деяниях, об обстоятельствах, исключающих противоправность, об ответственности одного государства в связи с деянием другого, и т.д.

Возникает вопрос: этот «пробел» должен быть истолкован как намеренное отступление от общего режима ответственности или этот пробел должен быть заполнен общим международным правом?

На этот вопрос невозможно ответить, не проанализировав соотношение права ВТО в целом с общим международным правом. И хотя в литературе встречаются точки зрения, что право ВТО является полностью «закрытым» режимом, в рамках которого никакие иные нормы, не предусмотренные «охваченными

соглашениями», неприменимы⁶, в доктрине общего международного права и среди ученых, исследующих феномен права ВТО, более распространенной стала точка зрения, что право ВТО представляет собой часть общего международного права (Дж. Паувелин, Л. Бартелс, П. Мавроидис, Д.М. МакРае, Дж.Л. Дунофф, Б. Зимма, Л.П. Ануфриева).

В частности, Дж.Паувелин подчеркивает, что «право международной ответственности, как всеобъемлющий каталог *leges generales*, применимо всякий раз, когда специальный режим не содержит явно выраженных отступлений (дерогации)», при этом «доказать, что договор содержит отступление от общего МП — задача ссылающейся на это стороны»⁷. По мнению Л.П. Ануфриевой, «будучи самостоятельной отраслью международного права, международное экономическое право испытывает на себе действие всех общих закономерностей, которые присущи международному праву как таковому»⁸.

Как отмечается в Докладе исследовательской группы КМП, «ни один [автономный] режим не является полностью изолированным от общего права»⁹, при этом функции общего международного права в процессе их взаимодействия заключаются в том, чтобы 1) «служить указанием для толкования и применения *lex specialis*»; 2) в полной мере применяться в ситуациях, не предусмотренных *lex specialis* (восполнение пробелов); 3) применяться в случае несостоятельности (неработоспособности) режима¹⁰.

Согласно п. 2 ст. 3 ДРС государства-члены признают, что «система урегулирования споров имеет целью охранять права и обязательства членов по охваченным соглашениям и вносить ясность в отношении действующих положений этих соглашений в соответствии с обычными правилами толкования международного публичного права». По мнению Апелляционного органа ВТО, это положение «требует» применять нормы обычного международного права (прежде всего Венской конвен-

⁶ Trachtman J. The Domain of WTO Dispute Resolution // Harvard International Law Journal. 1990. Vol. 40. P. 342.

⁷ Pauwelyn J. Conflict of Norms in Public International Law: How WTO Law Relates to other Rules of International Law. Cambridge University Press, 2003. P. 213.

⁸ Ануфриева Л.П. Ответственность государств за действия, не запрещенные международным правом: вопросы теории и практики международного экономического права (на примере деятельности в сфере освоения космоса и международных воздушных сообщений и перевозок) // Lex Russica – Русский закон. 2012. №5. С. 1071.

⁹ Фрагментация международного права... Док. ООН А/CN.4/L.682. Para. 159.

¹⁰ Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят восьмой сессии (1 мая – 9 июня и 3 июля – 11 августа 2006 года)... С. 416–417.

³ См.: Кожеуров Я.С. Дифференциация международной ответственности // Российский юридический журнал. 2013. №3. С. 31–37.

⁴ Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права. Доклад Исследовательской группы Комиссии международного права ООН. 13.04.2006. Док. ООН А/CN.4/L.682.

⁵ Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят восьмой сессии (1 мая – 9 июня и 3 июля – 11 августа 2006 г.). Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Шестьдесят первая сессия. Дополнение № 10 (А/61/10). С. 415.

ции о праве международных договоров 1969 г.) для уяснения положений ГАТТ и соглашений в рамках ВТО, которые «не должны толковаться в клинической изоляции от международного публичного права»¹¹.

В деле 2001 г. «Корея — Меры, затрагивающие государственные закупки» третья группа пошла еще дальше, распространив применимость норм общего международного права на любые отношения в рамках ВТО: «Мы принимаем к сведению то, что положения п. 2 ст. 3 Договоренности об урегулировании споров требуют, чтобы мы стремились в контексте какого-либо конкретного спора разъяснять ныне действующие положения соглашений ВТО в соответствии с обычными правилами толкования норм публичного международного права. Однако взаимосвязь соглашений ВТО с обычным международным правом шире этого. Нормы обычного международного права применяются в целом к экономическим взаимоотношениям между членами ВТО. Такие нормы международного права применяются в той степени, в какой международно-правовые соглашения ВТО не «отклоняются» от них. Другими словами, в той степени, в какой нет коллизии или несоответствия, или же наличия в каком-либо охватываемом ВТО соглашении выражения, которое применяется иным образом, мы полагаем, что обычные нормы международного права применяются к международным договорам ВТО и процессу разработки международных договоров в рамках ВТО»¹².

Таким образом, можно заключить, что нормы общего международного права об ответственности государств применимы к отношениям в рамках ВТО. Однако следующий важный вопрос состоит в том, насколько они применимы, в каком объеме, насколько соглашения в рамках ВТО, в первую очередь, ДРС, «отклоняются» от них.

Как известно, статьи КМП 2001 г. регламентируют три блока вопросов, связанных с международной ответственностью государства: 1) происхождение ответственности (понятие и элементы международно-противоправного деяния, присвоение поведения государству, обстоятельства, исключаящие противоправность); 2) содержание ответственности (две главные обязанности правонарушителя — прекратить деяние и предоставить полное возмещение причиненного вреда в форме реституции, компенсации и/или сатисфакции); 3) имплементация ответственности (субъекты, порядок призвания к ответственности, а

также основания, порядок и пределы применения односторонних контрмер).

Происхождение ответственности. Согласно п. 1 ст. XXIII ГАТТ 2004 г. если какая-либо сторона считает, что любая выгода, полученная ею, прямо или косвенно, аннулируется или сокращается, или что достижение любой цели Соглашения затрудняется в результате: (а) невыполнения другой стороной ее обязательств по настоящему Соглашению, или (б) применения другой стороной любой меры, независимо от того, находится она или нет в противоречии с положениями настоящего Соглашения, или (с) любой другой ситуации, то задействуется механизм разрешения споров, либо предусмотренный ДРС в целом (в отношении п. 1а), либо только статьей 26 ДРС (в отношении пп. 1б, 1с). В последнем случае обязательства устранить меру не возникает, но необходимо урегулировать вопрос на взаимоприемлемой основе.

Предусмотренное п. 1а основание — международно-противоправное деяние, ответственности за которое посвящены Статьи 2001 г. Ситуации, предусмотренные пунктами 1б и 1с, выходят за их рамки, поскольку не связаны с правонарушением. Кроме того, вряд ли возможно считать их подпадающими под другие документы КМП, регламентирующие вопросы ответственности за вред, причиненный случайными последствиями правомерной деятельности¹³, поскольку последние касаются трансграничного ущерба, причиненного, главным образом, окружающей среде в результате опасных видов деятельности¹⁴. В этом плане основания ответственности за аннулирование или сокращение выгод, предусмотренные пунктами 1б и 1с статьи XXIII ГАТТ 1994 г., а также последствия, установленные в ст. 26 ДРС, представляют собой абсолютно новый, не предусмотренный общим международным правом режим ответственности.

Что же касается «классического» основания — невыполнения обязательства по праву ВТО, то следует заключить, что право ВТО не содержит каких-либо правил *lex specialis*, касающихся

¹¹ United States – Standards for Reformulated and Conventional Gasoline. WT/DS2/AB/R. 29.04.1996. P. 17.

¹² Korea – Measures Affecting Government Procurement. WT/DS163/R. 19.01.2000. Para. 7.96.

¹³ Имеются в виду принятые КМП в рамках темы «Международная ответственность за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом» проект Статей «Предотвращение трансграничного ущерба от опасных видов деятельности» (приложение к резолюции Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/62/68 от 6 декабря 2007 г.) и проект «Принципов, касающихся распределения убытков в случае трансграничного вреда, причиненного в результате опасных видов деятельности» (приложение к резолюции Генеральной ассамблеи ООН A/RES/61/36 от 4 декабря 2006 г.).

¹⁴ Кожеуров Я.С. Международная ответственность за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом // Альманах кафедры международного права *Ceteris Paribus*. Москва, 2012. С. 103–119. Хотя полностью исключить применения указанных документов к отношениям в рамках ВТО, конечно же, нельзя.

элементов международно-противоправного деяния. Ими, как и в общем международном праве, являются противоправность и присвоение поведения государству. Единственная особенность заключается в том, что в праве ВТО прямо закреплено отсутствие необходимости доказывать наличие понесенного ущерба как элемента международно-противоправного деяния (Статья 2001 г. также не выделяют ущерб в качестве *обязательного* элемента, однако оставляют этот вопрос на усмотрение специальной нормы). Согласно п. 8 ст. 3 ДРС, «в случаях нарушения обязательств, принятых на основе охваченного соглашения, возбуждаемое дело считается *prima facie* делом об аннулировании или сокращении выгод. Это означает, что обычно имеется презумпция того, что нарушение правил влечет неблагоприятные последствия для других членов». Это обуславливает и особенности содержания ответственности по праву ВТО: раз жалоба вызывается не наличием понесенного ущерба или вреда, а аннулированием и сокращением выгод, то и основная обязанность нарушителя по общему международному праву — возместить вред в полном объеме — уходит на второй план или вообще утрачивает свой смысл, уступая место обязанности отменить противоправную меру.

В отсутствие специальных правил присвоения поведения государству группы и Апелляционный орган не раз применяли правила общего международного права об ответственности государства за действия всех своих государственных органов и должностных лиц (ст. 4 Статей 2001 г.)¹⁵, а также о присвоении государству поведения лиц или образований, осуществляющих элементы государственной власти (ст. 5 Статей 2001 г.)¹⁶. В уже упоминавшемся деле о государственных закупках группа присвоила Республике Корея действия ее министра транс-

порта за неверные сведения, предоставленные в ходе переговоров с США, несмотря на то, что указанные вопросы входили в компетенцию другого министра, указав, что на органе государства лежит обязанность отвечать полно, всесторонне и от имени всего правительства, что «подтверждается давно установившимися принципами международного права об ответственности государств», согласно которым «действия и даже бездействие государственных органов, действующих в этом качестве, присваиваются государству как таковому и влекут за собой его ответственность по международному праву»¹⁷, при этом группа прямо сослалась на проект Статей КМП и комментарии к ним.

Содержание и имплементация ответственности по праву ВТО. В этих вопросах право ВТО демонстрирует серьезные «отклонения» от общего международного права, предусматривая специальные правила как относительно содержания, так и относительно имплементации ответственности за нарушение права ВТО. Система средств правовой защиты в рамках ВТО в общем виде описана в п. 7 ст. 3 ДРС¹⁸. В центре спора — вопрос о совместимости или несовместимости с обязательствами по праву ВТО той или иной меры. В случае если будет установлено, что мера несовместима с обязательствами по праву ВТО, она должна быть отменена. При этом правила оставляют возможность сторонам договориться о компенсации потерь от действия меры до момента ее полной отмены. Если договоренностей об отмене меры или о компенсации до ее отмены достичь не удастся, потерпевшая сторона может, с предварительного разрешения Органа по разрешению споров (ОРС), получаемого в порядке ст. 22 ДРС, прибегнуть к контрмерам — временному приостановлению уступок или других обязательств, действующих по отношению к государству-нарушителю.

¹⁵ Например, ответственность Австралии за действия администрации Тасмании (Australia – Measures Affecting Importation of Salmon. WT/DS18/R. 12.06.1998. Paras. 7.12–7.13); ответственность США за решения Комиссии по международной торговле (United States – Measures Affecting the Cross-Border Supply of Gambling and Betting Services. WT/DS285/R. 10.11.2004. Para. 6.128); ответственность Турции за имплементацию решений Таможенного Союза ЕС (Turkey – Restrictions on Imports of Textile and Clothing Products. WT/DS34/R. 31.05.1999. Para. 9.41–9.43).

¹⁶ Например, ответственность Канады за решения местных департаментов по рынку молока, сформированных, в основном, из производителей сельхозпродукции (Canada – Measures Affecting the Importation of Milk and the Exportation of Dairy Products. WT/DS103/R; WT/DS113/R. 17.05.1999. Para. 7.77); действия банка, предоставившего финансовые выгоды производителю полупроводников, были расценены Группой как незаконная субсидия по смыслу подпункта (iv) пункта 1.1.(a)1 Соглашения о субсидиях и компенсационных мерах (US – Countervailing Duty Investigation on Dynamic Random Access Memory Semiconductors (DRAMs) from Korea. WT/DS296/AB/R. 27.06.2005. Paras. 112–116).

¹⁷ Korea – Measures Affecting Government Procurement. WT/DS163/R. 01.05.2000. Para. 6.5.

¹⁸ «Целью механизма урегулирования споров является позитивное разрешение спора. Решение, взаимоприемлемое для сторон спора и совместимое с охваченными соглашениями, несомненно, является предпочтительным. При отсутствии взаимоприемлемого решения, первая цель механизма урегулирования споров, как правило, состоит в том, чтобы обеспечить отмену принятых мер, если устанавливается, что они несовместимы с положениями какого-либо из охваченных соглашений. К применению положения о компенсации следует прибегать только в том случае, если немедленная отмена принятой меры неосуществима, и лишь на временной основе до отмены меры, несовместимой с охваченным соглашением. Последняя возможность, которую настоящая Договоренность предоставляет члену, прибегающему к процедурам урегулирования споров, – это приостановление действия уступок или других обязательств по охваченным соглашениям на дискриминационной основе по отношению к другому члену при условии, если ОРС разрешает такие меры».

Итак, первая сложность связана с квалификацией «отмены меры» с точки зрения общего международного права как *прекращения противоправного деяния* или как *реституции*, то есть восстановления *status quo ante*. Сама КМП в комментариях к Статьям 2001 г. признает, что на практике грань провести трудно, а иногда и невозможно¹⁹. Хотя эта грань чрезвычайно важна, прежде всего в плане правомерности требования: в отличие от реституции требование о прекращении можно заявить только в отношении дьящегося нарушения обязательства, действующего на момент требования, с другой стороны, в отношении этого требования не применяются правила о пропорциональности, как в случае реституции, которая может быть заменена на иную форму возмещения вреда (компенсацию).

В процессе процедур, предусмотренных п. 5 ст. 21 ДРС (где решается вопрос о том, насколько предпринимаемые государством меры с целью выполнения ранее принятых рекомендаций и решений ОРС достигают требуемой цели — отмены несовместимой меры) иногда (крайне редко) группа рекомендует меры, которые могут быть охарактеризованы как реституция. Например, в деле «Австралия — субсидии производителям и экспортерам кожи для автомобилестроения» группа решила, что «полный возврат запрещенной субсидии необходим для того, чтобы «отменить субсидию» в этом деле»²⁰. Однако в следующем пункте группа заявила, что этот возврат не должен включать каких-либо процентов: «Мы не считаем, что указанное средство [отмена субсидии] предназначалось [создателями Соглашения по субсидиям и компенсационным мерам] для полного восстановления *status quo ante* путем лишения получателя запрещенной субсидии тех выгод, которые он мог приобрести от нее в прошлом. Также мы не считаем, что это средство предназначено для обеспечения возмещения или компенсации в любом ином смысле»²¹. В другом деле группа, «полностью понимая желание Мексике увидеть антидемпинговые пошлины возвращенными», и считая, что такой возврат может быть оправдан в таких ситуациях, как рассматриваемая, тем не менее, отказала Мексике в удовлетворении ее требования, сославшись на то, что этот «серьезный систематический вопрос относительно природы мер, необходимых для выполнения рекомендаций» не был полно исследован в настоящем деле»²².

¹⁹ Yearbook of the International Law Commission. 2001. Vol. II. Part II. UN, New-York and Geneva, 2007. P. 89.

²⁰ Australia – Subsidies Provided to Producers and Exporters of Automotive Leather – Recourse to Article 21.5 of the DSU by the United States. WT/DS126/RW. 21.01.2000. Para. 6.48.

²¹ Ibid. para. 6.49.

²² Guatemala – Definitive Anti-Dumping Measure on Grey Portland Cement from Mexico. WT/DS156/R. 24.10.2000. Para. 9.7.

Другая особенность — природа *компенсации* по праву ВТО. Если в общем международном праве компенсация — возмещение ущерба, исчислимого в финансовом выражении, — направлена применительно к прошлому, может быть обеспечена принудительно, то компенсация по праву ВТО, во-первых, является добровольной, во-вторых, направлена в будущее, для компенсации потерь, которые может понести сторона в период действия меры, признанной несовместимой, с этого момента и до ее отмены. Это своеобразная «индальгенция», позволяющая государству «оттянуть» отмену несовместимой меры, по сути, она применяется не для возмещения причиненного ущерба, а для балансировки экономических интересов и торговых потерь обеих сторон.

Наконец, самая главная особенность — *запрет применения односторонних контрмер* потерпевшим государством. «Приостановление уступок и иных обязательств» возможно только с предварительного разрешения ОРС, получаемому в порядке п. 6 ст. 22 ДРС, и только в случае, когда рекомендации и решения не выполняются в течение разумного периода времени.

Как подчеркнула группа по делу «США — меры по импорту определенных товаров из ЕС», «механизм разрешения споров в рамках ВТО является единственным доступным для членов ВТО способом получения помощи, и только предусмотренные в системе ВТО средства защиты могут быть использованы», указав в сноске, что «в ВТО контрмеры, реторсии и репрессалии строго регулируются и могут иметь место только в рамках ДРС»²³. Более того, в другом деле группа указала, что это ограничение действует не только в отношении приостановления обязательств по праву ВТО, но и в отношении любых иных обязательств государств-членов, в том числе и по другим соглашениям, не охватываемым правом ВТО²⁴. То есть член ВТО не может прибегнуть ни к каким односторонним мерам для принуждения другого члена к исполнению своих обязательств по праву ВТО.

²³ United States – Import Measures on Certain products from the European Communities. WT/DS165/R. 17.07.2000. Para. 6.23.

²⁴ European Communities – Measures Affecting Trade in Commercial Vessels. WT/DS301/R. 22.04.2005. Para. 7.207: «Обязательство использовать процедуры ДРС, когда государство-член ищет защиты от нарушения, «охватывает любые действия государства-члена в ответ на то, что он считает нарушением другим государством-членом своих обязательств по ВТО, посредством которых первое государство-член пытается односторонне восстановить баланс прав и обязательств, требуя отмены несовместимой с правом ВТО меры, компенсации с государства-члена или приостанавливая уступки или иные обязательства в отношении такого члена».

С другой стороны, рассматривая вопрос о приемлемости и соразмерности контрмер, ОРС опирался и прямо ссылался на общее право международной ответственности, в частности, принцип пропорциональности контрмер: «кумулятивная компенсация или кумулятивное приостановление уступок разными членами ВТО в отношении одного и того же объема аннулирования или сокращения будет противоречить принципу общего международного права — принципу пропорциональности контрмер»²⁵.

На этот же принцип общего международного права, закрепленный в ст. 51 Статей 2001 г, Апелляционный орган ссылался в делах о защитных мерах для определения их допустимости²⁶.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что право ВТО, являясь самостоятельным автономным правовым режимом в общих рамках международного права, содержит ряд специальных правил и процедур, регламентирующих, прежде всего, содержание и имплементацию ответственности за нарушение обязательств по праву ВТО. Однако во всех случаях, когда право ВТО прямо не предусматривает иных положений, применяются принципы общего международного права. Более того, эти принципы используются для толкования и определения содержания специальных правил и процедур по праву ВТО, в частности, контрмер.

Библиография:

1. Ануфриева Л.П. «Право ВТО»: понятие и соотношение с международным торговым правом // Материалы IV Международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения». Секция международного права: сб. тезисов / отв. ред. Е.Г.Моисеев. — М., 2012. — С. 6–12.
2. Ануфриева Л.П. Ответственность государств за действия, не запрещенные международным правом: вопросы теории и практики международного экономического права (на примере деятельности в сфере освоения космоса и международных воздушных сообщений и перевозок) // Lex Russica — Русский закон. — 2012. — №5. — С. 1071–1078.
3. Кожеуров Я.С. Международная ответственность за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом // Альманах кафедры международного права Ceteris Paribus. — М., 2012. — С. 103–119.
4. Кожеуров Я.С. Дифференциация международной ответственности // Российский юридический журнал. — 2013. — №3. — С. 31–37.
5. Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят восьмой сессии (1 мая — 9 июня и 3 июля — 11 августа 2006 г.). Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Шестидесят первая сессия. Дополнение № 10 (A/61/10).
6. Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права. Доклад Исследовательской группы Комиссии международного права ООН. 13.04.2006. Док. ООН A/CN.4/L.682.
7. Pauwelyn J. Conflict of Norms in Public International Law: How WTO Law Relates to other Rules of International Law. Cambridge University Press, 2003.
8. Trachtman J. The Domain of WTO Dispute Resolution // Harvard International Law Journal. 1990. Vol. 40.
9. Yearbook of the International Law Commission. 2001. Vol. II. Part II. UN, New-York and Geneva, 2007.

²⁵ European Communities – Regime for the Importation, Sale and Distribution of Bananas; Recourse to Article 22.6 Arbitration Report. WT/DS27/ARB. 09.04.1999. Para. 6.16. См. также: United States – Tax Treatment for «Foreign Sales Corporations»; Recourse to Article 22.6 Arbitration Report. WT/DS108/ARB. 30.08.2002. Paras. 5.58–5.60; Brazil – Export Financing Programme for Aircraft; Recourse to Article 22.6 Arbitration Report. WT/DS46/ARB. 28.08.2000. Paras. 3.44–3.45.

²⁶ United States – Transitional Safeguard Measure on Combed Cotton Yarn from Pakistan, Appellate Body Report. WT/DS192/AB/R. 08.10.2001. Para. 120; United States – Definitive Safeguard Measures on Imports of Circular Welded Carbon Quality Line Pipe from Korea, Appellate Body Report. WT/DS202/AB/R. 15.02.2002. Para. 259.

References (transliteration):

1. Anufrieva L.P. «Pravo VTO»: ponyatie i sootnoshenie s mezhdunarodnym trgovym pravom // Materialy IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii «Kutafinskie chteniya». Sekciya mezhdunarodnogo prava: sb. tezisov / otv. red. E.G. Moiseev. — M., 2012. — S. 6–12.
2. Anufrieva L.P. Otvetstvennost' gosudarstv za deystviya, ne zapreschennyye mezhdunarodnym pravom: voprosy teorii i praktiki mezhdunarodnogo ekonomicheskogo prava (na primere deyatelnosti v sfere osvoeniya kosmosa i mezhdunarodnykh vozdushnykh soobscheniy i perevozok) // Lex Russica — Russkiy zakon. — 2012. — №5. — S. 1071–1078.
3. Kozheurov Ya.S. Mezhdunarodnaya otvetstvennost' za vrednye posledstviya deystviy, ne zapreschennyye mezhdunarodnym pravom // Al'manah kafedry mezhdunarodnogo prava Ceteris Paribus. — M., 2012. — S. 103–119.
4. Kozheurov Ya.S. Differenciatsiya mezhdunarodnoy otvetstvennosti // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2013. — №3. — S. 31–37.
5. Doklad Komissii mezhdunarodnogo prava o rabote ee pyat'desyat vos'moy sessii (1 maya — 9 iyunya i 3 iyulya — 11 avgusta 2006 g.). General'naya Assambleya. Oficial'nye otchety. Shest'desyat pervaya sessiya. Dopolnenie № 10 (A/61/10).
6. Fragmentatsiya mezhdunarodnogo prava: trudnosti, obuslovlennyye diversifikatsiey i rasshireniem sfery ohvata mezhdunarodnogo prava. Doklad Issledovatel'skoy gruppy Komissii mezhdunarodnogo prava OON. 13.04.2006. Dok. OON A/CN.4/L.682.
7. Pauwelyn J. Conflict of Norms in Public International Law: How WTO Law Relates to other Rules of International Law. Cambridge University Press, 2003.
8. Trachtman J. The Domain of WTO Dispute Resolution // Harvard International Law Journal. 1990. Vol. 40.
9. Yearbook of the International Law Commission. 2001. Vol. II. Part II. UN, New-York and Geneva, 2007.

Материал получен редакцией 8 мая 2013 г.